

РОССИЙСКИЕ ВОЛОНТЕРЫ В ЗЕРКАЛЕ ОБЩЕСТВЕННОГО МНЕНИЯ

Попова Е.Г.,¹ Певная М.В.¹

¹ФГАОУ ВПО «Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина», Екатеринбург, Россия (620026, Екатеринбург, ул. Мира 19), e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru

В статье осуществлен вторичный анализ данных всероссийских опросов общественного мнения и научных проектов, а также предоставлены некоторые результаты авторских эмпирических исследований. В публикации даются основные характеристики репрезентации волонтерства в сознании российского населения, описываются трудности в его идентификации как социального явления. Авторами доказывается, что в массовом сознании российского населения отсутствует четкое представление об общности волонтеров, о значении, важности и последствиях их работы, о сфере их деятельности наряду с проблемами в идентификации самих волонтеров. Основные причины сложившейся ситуации связываются с отсутствием исторически сложившейся в обществе традиции, несформированностью социальной нормы волонтерской деятельности среди россиян, а также с ограниченным вниманием к проблемам волонтерства в российских масс-медиа.

Ключевые слова: волонтерство, добровольчество, общественное мнение

RUSSIAN VOLUNTEERS IN THE PUBLIC OPINION OF RUSSIAN

Popova E.G.,¹ Pevnaya M.V.¹

Yeltsin Ural Federal University, Yekaterinburg, Russia (620000, Mira St., 19, Yekaterinburg), e-mail: m.v.pevnaya@urfu.ru

The article shows the secondary analysis of all-Russian public opinion polls and scientific projects data as well as some results of author's empirical researches. In the publication the main characteristics of volunteering concept according to Russian Federation citizens' opinion are given, some difficulties in volunteering identification as a social phenomenon are described. The authors prove that there is no clear idea of volunteer community in mass consciousness of the Russian population, no idea of value, importance and consequences of their work, of the sphere of their activity along with problems in identification of volunteers themselves. The main reasons for the current situation are connected with the absence of historically developed social tradition, immaturity of volunteer activity social standards among Russians, and also with the lack of attention to volunteering problems in the Russian mass media.

Keywords: volunteering, public opinion, volunteers

Социологические исследования сегодня показывают различные аспекты реализации волонтерского труда, дают характеристику самим российским волонтерам, их включению в различные сферы общества, в деятельность образовательных учреждений, организаций третьего сектора и государственных социальных учреждений. Однако проблемы в развитии волонтерства в России связаны не только с самими волонтерами и их активностью, но и с тем, как их деятельность оценивается населением, как труд волонтеров отражается в оценках россиян, в мнениях тех, кто помогает, и тех, кому помогают или могут помогать волонтеры.

Цель исследования

Дать оценку репрезентации деятельности российских волонтеров в общественном мнении россиян.

Методы исследования

Волонтерство сегодня достаточно популярное социальное явление, привлекающее к себе внимание обывателей, средств массовой информации, исследователей, а также

специалистов и управленцев, представляющих институт государственной исполнительной власти. Достаточное количество эмпирических социологических исследований рассматриваемой проблемы позволяет осуществить вторичный анализ данных всероссийских репрезентативных опросов и научных проектов, а также предоставить некоторые результаты авторских эмпирических исследований, в частности, обратиться к данным экспертного опроса лидеров НКО Свердловской области, реализованного в 2014 году (N-22).

Характеристика репрезентации российского волонтерства в общественном мнении

Одна из ключевых проблем волонтерства в России сопряжена с целым рядом трудностей в его идентификации как социального явления в формальном и неформальном контекстах. По нашему мнению, это связано с несформированностью в современной России национальной традиции волонтерства. Закономерные последствия ее отсутствия мы видим в общественном мнении россиян, что во многом объясняет противоречивость их оценок и суждений относительно тех или иных аспектов волонтерства. В дополнение ко всему выше сказанному, отсутствие исторически сложившейся в обществе традиции оказывает существенное влияние на самоидентификацию самих волонтеров.

Безусловно, в историческом разрезе волонтерство в России существовало всегда, но принимало различные формы и виды общественной деятельности, реализовывалось в тех практиках, которые были актуализированы в ту или иную историческую эпоху. Элементы волонтерства можно выделить практически при любом политическом строе в различающихся социально-экономических условиях, однако только в гражданском обществе оно получает признанный статус и активное развитие.

Религиозное добровольчество, получившее широкое распространение и развитие до 1917 года, в советский период не могло развиваться по политическим причинам. Авторитет русской православной церкви в СССР был значительно подорван, как были утрачены и те нормы, стереотипы поведения, которые она формировала в обществе не одно столетие. Немногочисленным остается число «воцерковленных» россиян (по данным ФОМ в 2013 году из 64 % наших сограждан, причисливших себя к православным, таковыми являются лишь 12 % [2]). По данным других исследований, число истинно верующих в стране еще меньше, так как самооценка, положенная в основу многих социологических исследований религиозности населения, не может служить достаточным и надежным основанием для объективной характеристики мировоззренческой позиции россиян, которые в своих религиозных общинах готовы заниматься волонтерской и благотворительной деятельностью.

Международная идея светского волонтерства привнесена «извне» и не успела стать социальной нормой, так как возрождение добровольчества начинается только со времен

перестройки. Прообразы «квазиволонтерства» советского периода, как правило, носили обязательно-принудительный характер и привели к формированию негативного отношения населения к инициативам государства. На разных исторических этапах в России можно найти целый ряд примеров, когда в той или иной форме проявлялись различные добровольческие практики. Резкий разрыв в условиях их реализации отложил определенный отпечаток не только на формирование традиций волонтерской деятельности, но и на традиционные представления у населения о волонтерстве.

Отсутствие четкой определенности в представлениях населения о волонтерстве проявляется и в опросах общественного мнения. В различных исследовательских проектах волонтерство определяется и изучается как один из видов гражданской активности населения (ФОМ), либо как направление или форма благотворительности (ВЦИОМ, Левада-центр, Циркон). Эти методологические установки, по нашему мнению, не противоречат, а существенно дополняют друг друга. Они являются следствием, точнее отражением реального положения волонтерства в российском обществе, фиксирующим развитие относительно новых для нашей страны форм благотворительности, а также представляющим естественное разделение волонтерской общности на две условные подгруппы: регулярно работающих «настоящих волонтеров» (в терминологии исследователей ФОМ) и тех, кто время от времени оказывает помощь незнакомым людям вне институциональных структур.

По нашему мнению, рассмотрение волонтерства в контексте благотворительности населения, включая различные виды гражданской активности, намного ближе к современным реалиям. Кроме того, исследователи с определенной регулярностью фиксируют не только благотворительную активность россиян, но и замеряют изменения в отношении населения к благотворительности. Например, данные опросов Левада-центра показывают позитивную динамику в субъективных оценках значимости для России многих форм благотворительности [6].

Интересно отметить, что каждый пятый респондент, принявший участие в опросе, отмечал работу на добровольных началах как наиболее действенную форму благотворительности. За шесть лет (2006 – 2012 гг.) согласных с этим утверждением россиян стало на 7 % больше и волонтерство по уровню своей эффективности, по мнению населения, в рейтинге значимости переместилось на второе место, потеснив на третью позицию такую форму благотворительной деятельности как «распределение помощи через государственные органы социальной защиты».

Несмотря на выявленные положительные тенденции, число россиян, дающих хорошую оценку дееспособности волонтерства, значительно меньше по сравнению с теми, кто верит в эффективность помощи нуждающимся «из рук в руки». На наш взгляд, это может

быть связано не только с распространенностью волонтерства в обществе, но и с уровнем информированности населения о деятельности волонтеров, который, по данным ряда исследований, остается достаточно низким.

Отсутствие у большинства россиян реалистичных представлений о конкретных волонтерах и том, что они могут делать и делают, может быть охарактеризовано как наличие низкой степени «когнитивной вовлеченности» индивидов в данную проблему или явление. Согласно аксиоме восприятия, сформулированной Д. Цаллером, «чем выше уровень когнитивной вовлеченности индивида, тем более вероятно, что он будет воспринимать, то есть обращать внимание и понимать, политические сообщения, связанные с тем или иным вопросом» [9, с. 91]. Как нам кажется, выводы, сделанные исследователем в процессе изучения реакции людей на политическую информацию, могут обосновано быть перенесены на рассмотрение волонтерства в русле социальной политики.

Согласно данным опроса ФОМ, большинство жителей российских городов выглядят не слишком информированными о деятельности добровольцев. Хорошо знают о них только 15 %, «что-то слышали» – 35 % респондентов. Впрочем, уровень информированности населения о волонтерстве несущественно изменился и через год. В 2013 г. среди всего населения что-то знали или что-то слышали о волонтерах 47 % россиян [8]. По результатам опроса 2012 г., неинформированных граждан больше среди людей старше 55 лет (53 %), против 44 % респондентов среднего возраста [7].

Исследователи приходят к интересным выводам. Во-первых, люди среднего возраста и молодежь, а также лица с высшим образованием информированы о деятельности активистов лучше представителей старшего поколения. Во-вторых, информированность или неинформированность о добровольцах является важным различительным признаком респондентов, позволяющим говорить не просто об «информационном эхе добровольчества», но о социальной среде добровольческой деятельности [5, с. 40].

В процессе эмпирической идентификации различных стилей жизни респондентов, по результатам содержательной интерпретации кластеров, построенных с помощью процедур факторного и кластерного анализа, исследователи ФОМ выделили ряд типологических групп, члены которых отличаются друг от друга разной степенью вовлеченности в социальное взаимодействие. В группу «реальных активистов» вошли: подгруппа «активистов» – неинституционализированных добровольцев, включенных в помогающее поведение, самоорганизацию по месту жительства (38 %); подгруппа «волонтеров» – добровольцев, включенных в деятельность тех или иных НКО, благотворительных фондов, обществ самопомощи и т. п. (4 %).

В дополнение аналитики выделили сравнительно большую по своей численности группу «аутсайдеров». В нее включили респондентов, замкнутых на личных проблемах и не включенных ни в реальную добровольческую активность, ни в виртуальную активность (38 %). Именно по этим выделенным группам наблюдаются существенные отличия в степени информированности их членов о волонтерстве. Данные опроса российского населения, проведенного ФОМ в 2013 году, свидетельствуют о том, что степень информированности о волонтерстве и волонтерских объединениях напрямую зависит от уровня социальной активности или степени вовлеченности респондентов в социальное взаимодействие. Другими словами, знают те, кому это интересно или кто с этим сталкивался.

Самый высокий уровень информированности отмечается среди тех, кто сам реально был задействован в каких-либо добровольческих практиках. Знают или что-то слышали о волонтерах в своем городе 66 % тех, кого исследователи отнесли к активной части волонтерского сообщества, также информированы 57 % респондентов, для которых характерны различные примеры помогающего поведения. Лишь 35 % социально неактивных горожан владеют какой-либо информацией о деятельности добровольцев.

Интересно отметить, что среди тех, кто что-то слышал или хорошо знает о волонтерстве в своем городе, достаточно много респондентов, осведомленных о деятельности конкретных волонтерских объединений. Закономерно, что среди выделенной группы волонтеров отсутствуют те, кто не информирован о таких группах, практически каждый третий (31 %) из числа опрошенных не захотел отвечать на заданный вопрос. В группе «активистов» не знает о волонтерских сообществах в своем городе каждый пятый (19 %) из числа опрошенных. Не информирована о деятельности локальных волонтерских групп половина респондентов, отнесенных к группе социально-неактивных граждан. В целом, 7 % россиян, принявших участие в опросе ФОМ, не смогли точно сказать, есть ли у них знакомые люди, которые занимаются волонтерством или добровольчеством. Среди тех, кто имеет какое-либо представление о волонтерстве, 23% респондентов затруднились дать ответ на вопрос о том, есть ли в их городе какие-либо добровольческие, волонтерские группы или объединения.

Исследование Левада-центра показывает, что жители крупных городов осведомлены о существующих объединениях граждан существенно больше остальных (особенно по отдельным видам организаций и инициатив). Не смогли назвать никакие общественные инициативы лишь 22 % жителей крупных городов. «Чаще всего респонденты в крупных городах могли назвать товарищества собственников жилья (53%), благотворительные инициативы (38 %), объединения наблюдателей (38%) и защитников архитектурного наследия (28 %), экологические, правозащитные и профсоюзные организации (40 % и 32 %).

Хуже всего известна респондентам работа местных отделений политических партий (18 %), движения патриотического толка (16 %), антикоррупционные расследования (13 %)» [1, с. 38].

Данные различных опросов фиксируют характерную черту общественного мнения россиян относительно волонтерства, заключающуюся в отсутствии четкого представления о волонтерах и добровольцах. Например, отвечая на вопрос «Как называют людей, которые по собственному желанию и без вознаграждения в свободное от работы (учёбы) время делают общественно-полезные дела, либо помогают нуждающимся – гражданам, животным и т.п.?», 38 % респондентов, принявших участие во всероссийском опросе населения, затруднились дать какой-либо ответ, 38 % назвали их волонтерами, 6 % – добровольцами, 13 % – добрыми, хорошими милосердными людьми, альтруистами и т.д. [8].

Аналитики ФОМ пришли к выводу, что не только люди, наблюдающие за волонтерами со стороны, часто плохо понимают, что такое добровольчество, но и «внутри сообщества нет общепринятых представлений даже о таких, например, фундаментальных вещах: кто может, а кто не может считаться добровольцем, чем должны, а чем не должны заниматься волонтеры» [7, с. 68].

Эти особенности обозначили и руководители НКО Свердловской области, привлекающие к своей деятельности волонтеров. *«У нас люди очень часто вообще не понимают слово само «волонтер», т.е. они его никогда не слышали и не знают, кто это такой - доброволец...»* (Сотрудник НКО, 25 лет). *«Слово «волонтер» многих просто иногда пугает - не пугает, но растерянность появляется. Люди спрашивают: а кто это, а что это, а что нужно сделать и что за это будет?»* (Руководитель благотворительной организации, 28 лет).

Таким образом, в массовом сознании российского населения отсутствует четкое представление об общности волонтеров, о значении, важности и последствиях их работы, о сфере их деятельности. По нашему мнению, ключевым фактором, определяющим сложившуюся ситуацию, является то, что деятельность добровольцев остается незамеченной. В связи с последними событиями информационной повестки дня, когда работа волонтеров в Казани, Сочи, Крыму нашла должное отражение в СМИ, заняла особое место в телевизионном новостном контенте, постепенно ситуация должна начать меняться.

Отсутствие волонтерской традиции порождает отсутствие социальной нормы волонтерской деятельности. Как следствие, возникают затруднения в идентификации волонтеров и определении их деятельности, хорошо объяснимые отсутствием стереотипных представлений о волонтерстве или добровольчестве в российском обществе. Еще У.

Липпман писал: «Стереотипы последовательно и авторитетно передаются из поколения в поколение, что кажутся присущими физиологии индивида» [3, с. 95].

Специфика формирования стереотипов сознания россиян относительно волонтерства заключается в том, что при явном присутствии социального феномена волонтерства в российской истории в тех или иных проявлениях из дискурса исключался сам термин «волонтерство», либо использовалось понятие «добровольчество» исключительно в ограниченных смыслах. Таким образом, на протяжении достаточно длительного периода отсутствовала возможность выделять ключевые элементы самого восприятия, так называемые «ключевые слова», в которых в концентрированном виде выражается суть целого образа, представления или суждения» [4, с. 149].

Выводы

Все явления социальной жизни отражаются в информационном пространстве. Они имеют определенный сознательный аспект, преломляются в восприятии людей, нагружаются определенными смыслами и приобретают конкретные значения, важные для индивидуального и коллективного понимания и оценки этих явлений не только в настоящем, но и в будущем. В обыденном сознании россиян представления о современном волонтерстве только начинают складываться. Данный процесс, по нашему мнению, осложняется не только своеобразием истории его развития, но и сегментированностью волонтерской общности в России, а также отсутствием единых оснований, которые позволяли бы волонтерам идентифицировать друг друга, а в обществе идентифицировать саму общность.

Список литературы

1. Волков Д., Гончаров С. Потенциал гражданского участия в решении социальных проблем: сводный аналитический отчет. – М. : Левада-центр, 2014. – 58 с.
2. Кожевников К. Верит – не верит: особенности российской религиозности [Электронный документ] // Сайт Фонда «Общественное мнение». URL: <http://fom.ru/blogs/10955#>(дата обращения: 10.04.14).
3. Липпман У. Общественное мнение. – М. : ИФ «Общественное мнение», 2004. – 384 с.
4. Меренков А.В. Социология стереотипов. – Екатеринбург: УрГУ, 2011. – 291 с.
5. Отчет по проекту «Ресурс добровольческого движения авангардных групп для российской модернизации». – М. : ФОМ, 2013. – С. 40.
6. Пресс-выпуск Левада-центра «Каждый четвертый россиянин оказывал благотворительную помощь хотя бы раз за последние пять лет» 05.12.2012. [Электронный документ]. URL:

<http://www.levada.ru/05-12-2012/kazhdyi-chetvertyi-rossiyanin-okazyval-blagotvoritelnuyu-pomoshch-khotya-raz-za-poslednie> (дата обращения: 22.04.14).

7. Ресурсы российского добровольческого движения: аналитический доклад по результатам исследований ФОМ 2012-2013 гг. Под ред. Климовой С.Г., Петренко Е.С. – М.: Фонд «Общественное мнение. 2014. – 280 с.

8. Формы общественной активности граждан: данные «ФОМнибус» 19.05.2013. [Электронный документ]. URL: <http://soc.fom.ru/obshchestvo/11005> (дата обращения: 17.04.14).

9. Цаллер Д. Происхождение и природа общественного мнения / пер. с англ. А.А. Петровой. – М: ИФ «Общественное мнение», 2004. – 559 с.

Рецензенты:

Мокронос А.Г., д.э.н., профессор, декан факультета экономики и управления, зав. кафедрой экономики, РГППУ, г. Екатеринбург;

Банникова Л.Н., д.соц.н., профессор, профессор кафедры СиСТУ, ИГУП, УРФУ, г. Екатеринбург.